

УДК 811.11

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-51-60

КСЕНОФОБИЯ КАК «СЛОВО ГОДА» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ XXI ВЕКА

Корецкая О. В.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Целью исследования является изучение семантического поля существительного *xenophobia* («ксенофобия»), выбранного в 2016 г. онлайн-словарём Dictionary.com «словом года». Основным интересом представляет словоупотребление данной лексики и её синонимов в англоязычном медиадискурсе XXI в.

Процедура и методы исследования включают корпусный анализ семантического поля *xenophobia* на основе данных с 2015 по 2021 г. из трёх корпусов английского языка: Now Corpus, Brexit Corpus и Coronavirus Corpus.

Результаты показали, что в определённые периоды времени существительное *xenophobia* характеризуется высокой частотностью словоупотребления, обусловленной экстралингвистическими факторами, которыми выступают такие глобальные события, как, например, Брексит и пандемия коронавируса. Устанавливается также, что в семантическое поле понятия *xenophobia* входит целый ряд схожих по значению слов, формирующих «язык вражды». В связи с продолжающейся информационной войной в медиaprостранстве *xenophobia* является ключевым словом последних лет, а языковые маркеры данного понятия используются для создания отрицательного образа «других».

Теоретическая значимость работы заключается в выявлении экстралингвистических факторов, влияющих на выбор «слов года» в современном английском языке. **Практическая значимость** состоит в возможности использования полученных результатов в специальных курсах по корпусному анализу и лексикологии английского языка.

Ключевые слова: медиадискурс, корпус текстов, семантическое поле, слово года, язык вражды, язык СМИ

XENOPHOBIA AS THE WORD OF THE YEAR IN ENGLISH MEDIA DISCOURSE OF THE 21ST CENTURY

O. Koretskaya

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. The paper is concerned with the study of the semantic field of the noun “xenophobia”, which was chosen by Dictionary.com in 2016 as the Word of the Year. The main focus of interest is the usage of the given lexeme and its synonyms in English media discourse of the 21st century.

Methodology. The research is based on corpus analysis of data from 2015 to 2021 provided by three contemporary English language corpora: *Now Corpus*, *Brexit Corpus*, and *Coronavirus Corpus*.

Results. Corpus data show that in certain periods of time “xenophobia” becomes a high-frequency word due to some extralinguistic factors, including such global events as, for example, Brexit and the coronavirus pandemic. It is also established that the semantic field of the concept of “xenophobia” contains a number of words with the similar shades of meaning, which form “hate speech”. As a result of the ongoing information war in media space, xenophobia remains the key word of the last few years and its linguistic markers are used to create the negative image of the “others”.

Research implications. The theoretical significance of the research lies in identifying extralinguistic factors that determine the choice of the Word of the Year. The practical significance is explained by the fact that the obtained results can be used in special courses on corpus analysis and lexicology of the English language.

Keywords: media discourse, text corpus, semantic field, word of the year, hate speech, media language

Введение

Современный медиадискурс – динамическое явление, в котором находят отражение и фиксируются многочисленные изменения языковой действительности. Главную роль в медиадискурсе в общем и в англоязычном в частности играют СМИ, поскольку они являются основным каналом, выходящим на массовую аудиторию. При этом отмечается, что информационная деятельность СМИ носит дискурсивный характер, т. е. между авторами медиатекстов, с одной стороны, и читателями, слушателями или зрителями, с другой стороны, происходит опосредованная коммуникация [8]. В силу того, что СМИ первыми реагируют на те или иные события, формируется определённая языковая, а вместе с ней и концептуальная картина мира, где в центре находятся ключевые слова (key words) [1; 4].

Изучение ключевых слов проводится в рамках одного из сравнительно новых направлений – корпусной лингвистики, позволяющей проводить оценку речевых образцов в контексте реального применения языка [2; 5]. С точки зрения корпусной лингвистики, ключевым является то слово, которое встречается в текстах гораздо чаще, нежели это демонстрируют рассчитанные на основе статистических данных средние показатели [11]. Кроме того, оно может стать ключевым только в условиях реального употребления в медийном пространстве, где оно будет

использоваться как обозначение реалий конкретной сферы жизни.

На появление ключевых слов в любом языке, как правило, существенное влияние оказывают те или иные экстралингвистические факторы. Именно такие слова представляют особый интерес для лексико-семантического анализа, поскольку, отражая исторически значимые этапы развития человека и общества, они выполняют при этом дискурсообразующую функцию и характеризуют определённую группу людей или период времени [9].

Роль корпусных данных в выборе «слов года»

Что касается корпусных исследований в области англоязычного медиадискурса XXI в., ключевые слова, не только характеризующиеся высокой частотностью употребления, но и выражающие принципиально важные реалии конкретного исторического промежутка, становятся так называемыми словами года (Words of the Year), которые с начала 1990-х гг. выбираются ведущими словарями английского языка [10]. Согласно одному из определений, «“слово года” – это своеобразный социально-политический портрет года, реконструированный через номинативные лингвистические маркеры» [6, с. 49]. Рассматривая слова года в качестве индикаторов социальных изменений, на основе корпусных данных представляется возможным определить

созданную в медиадискурсе языковую картину и обозначить «фокусы общественного внимания “за отчетный период”» [6, с. 49]. Например, в 2019 г. таким фокусом общественного сознания оказались вопросы экологии и борьбы с климатическими изменениями в связи с массовыми акциями протеста против глобального потепления в разных городах, вдохновителем которых стала экологическая активистка из Швеции Грета Тунберг. Как следствие, среди «слов 2019 года» выделяются следующие ассоциирующиеся с климатом ключевые понятия: *climate strike* («климатическая забастовка») по версии Collins English Dictionary; *upcycling* («вторичное использование») по версии Cambridge Dictionary; *climate emergency* («чрезвычайная климатическая ситуация») по версии Oxford Corpus¹.

Отдельного внимания среди «слов года» заслуживает существительное *xenophobia* («ксенофобия»), выбранное таковым в 2016 г. онлайн-словарём Dictionary.com. Оно интересно не только потому, что именно в тот год возглавило рейтинг популярности среди других слов-кандидатов, но и в силу того, что продолжает активно использоваться в медиадискурсе и по сей день. Это объясняется чередой глобальных событий, вызвавших интерес общественности к такому социально-опасному феномену, как ксенофобия, которая на лексическом уровне находит выражение в «языке вражды» (*hate speech*), характерном для современных СМИ.

Основная цель настоящего исследования – попытаться определить и в общих чертах проанализировать экстралингвистические факторы, повлиявшие на распространение существительного *xenophobia* в современном англоязычном медиадискурсе и, как следствие, сделав-

шие его своего рода ключевым словом в течение последних нескольких лет. Более того, опираясь на корпуса английского языка, представляется важным также рассмотреть семантическое поле данного понятия. Такой подход позволит проследить лексическую сочетаемость слова *xenophobia* в динамике, а также понять характерную для него языковую картину.

Материал исследования

В качестве материала используются три новейших корпуса английского языка. Первый, NOW Corpus (News on the Web), содержит 14 млрд слов с 2010 г. по настоящий момент и постоянно пополняется данными из онлайн-изданий, охватывающих примерно 300000 статей в месяц. Второй, Brexit Corpus, был специально создан в преддверии референдума о выходе Великобритании из Евросоюза и включает около 5 млн слов с 19 по 21 июня 2016 г., взятых из твитов, блогов, комментариев и британских новостных интернет-ресурсов (The Guardian, The BBC, The Daily Mail, The Telegraph и т. п.). Третий, Coronavirus Corpus, возник в январе 2020 г. как корпус, фиксирующий динамику употребления связанных с пандемией коронавируса слов, таких как *coronavirus*, *COVID* или *COVID-19*. Корпус продолжает расширяться и сейчас насчитывает свыше 1300 млн слов. Последние два корпуса созданы для специальных целей и представляют определённый тип дискурса, отражающего различные лингвокультурологические феномены в процессе коммуникации. В данном случае «критерием репрезентативности является максимально возможное объективное представление какого-либо явления» [5]. Более того, подобные корпуса дают информацию об актуальном функционировании той или иной языковой единицы в речи, что играет первостепенную роль в оценке лексико-семантического статуса ключевых слов.

¹ См.: Merriam-Webster выбрал слово года. Кто еще подвел лингвистические итоги? // BBC News Русская служба: [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-50747643> (дата обращения: 20.02.2022).

Семантическое поле *xenophobia* и протесты в ЮАР

Обратимся в первую очередь к статистике корпуса Now Corpus с 2010 по 2021 гг., согласно которой частотность словоупотребления *xenophobia* существенно возросла после 2014 г., а её пик пришёл на 2015 г. Второе место по частотности словоупотребления занял следующий 2016 г., после чего слово *xenophobia* также оставалось достаточно популярным по сравнению с периодом с 2010 по 2014 гг.

Определим, какие именно экстралингвистические факторы повлияли на значительное распространение понятия *xenophobia* в медиадискурсе в 2015 г. Массовый интерес к этому термину объяснялся вспышками насилия в Южной Африке и протестами в апреле 2015 г. (“2015 South African xenophobic riots”), направленными против проживающих в ЮАР граждан других стран Африки, якобы «захватывающих» рабочие места и оставляющих всё большее число молодых южноафриканцев безработными.

Так, по данным Now Corpus, в апреле 2015 г. в описании ЮАР наиболее частотными стали такие коллокации с прилагательным *xenophobic* («ксенофобский»), как *xenophobic attacks* и *xenophobic violence*. Одним из наглядных примеров может послужить статья в The Guardian “South Africa must confront the roots of its xenophobic violence”, посвящённая описанию событий в Южной Африке, где помимо коллокаций *xenophobic attacks*, *xenophobic violence* и *xenophobic statements* выделяются следующие близкие по смыслу словосочетания: *a culture of prejudice*; *a country still scarred by apartheid*; *the violence of colonialism and apartheid*; *white-against-black racism*¹. Исходя из примеров, формируется следующее семантическое поле,

где синонимами ксенофобии выступают такие ассоциирующиеся с Африкой понятия, как «культура предрассудков», «апартеид», «колониализм», «расизм». Интересно отметить, что в Now Corpus среди 100 родственных *xenophobia* существительных 1-е место занимает *racism*, 8-е место – *violence*, 28-е место – *Africans*. Если же рассматривать прилагательное *xenophobic*, то наблюдается следующее распределение: 1-е место – *racist*, 8-е место – *African*, 14-е место – *racial*, 17-е место – *violent*. Таким образом, можно сделать вывод, что ближе всего к центру семантического поля *xenophobia* расположены такие слова, как *racism*, *violence* и *Africa*. Согласно Dictionary.com, термины *xenophobia* и *racism* нередко встречаются вместе. Хотя это разные явления, расизм часто лежит в основе ксенофобии и сводится к следующему: «Ты мне не нравишься, потому что ты не похож на меня» (“I don’t like you because you don’t look like me”). Неудивительно поэтому, что слова *racism* и *racist* оказываются ближайшими синонимами *xenophobia*.

На фоне событий 2015 г. по аналогии с *xenophobia* возникает новый термин *Afrophobia* («боязнь лиц африканского происхождения»). Пока он ещё не получил широкого распространения в языке, но уже начинает использоваться в медиaprостранстве, встречаясь в пределах одного предложения вместе с *xenophobia* и *racism*. В статье 2021 г. комиссара Совета Европы по правам человека Дуни Миятович “Europe must wake up to racism, Afro-phobia” афрофобия выступает как общее синонимичное расизму явление, которое Европа не имеет права игнорировать (“European countries should no longer ignore Afro-phobia”)². *Afrophobia*

¹ См.: Gumede W. South Africa must confront the roots of its xenophobic violence // The Guardian: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/apr/20/south-africa-xenophobic-violence-migrant-workers-apartheid> (дата обращения: 20.02.2022).

² См.: Opinion: Europe must wake up to racism, Afro-phobia // The Council of Europe: [сайт]. URL: https://www.coe.int/ru/web/commissioner/newsletter/-/asset_publisher/VbvR4XgFOzKl/content/opinion-europe-must-wake-up-to-racism-afrophobia?_101_IN-STANCE_VbvR4XgFOzKl_viewMode=view (дата обращения: 20.02.2022).

также сочетается с такими понятиями «языка вражды», как *racial discrimination* («расовая дискриминация»), *systematic hate* («систематическая ненависть»), *inequality* («неравенство»), и становится своего рода «языковым маркером этнической ксенофобии» [7].

Семантическое поле *xenophobia* и Брексит

Несмотря на то, что в 2015 г. в Now Corpus по частотности словоупотребления *xenophobia* занимало первое место по сравнению с предыдущими и последующими годами, «словом года» оно выбирается онлайн-словарём Dictionary.com лишь год спустя, чему есть вполне закономерное объяснение. Так, наибольшее количество поисковых запросов в этом словаре по термину *xenophobia* произошло 24 июня 2016 г., на следующий день после того, как Великобритания проголосовала за выход из Европейского Союза, что стало историческим событием мирового значения, получившим название Брексит. Поскольку Брексит активно обсуждался в СМИ, был создан специальный корпус Brexit Corpus, который, как уже отмечалось выше, состоит из онлайн-материалов, посвящённых этому политическому процессу. В данном случае представляется важным проанализировать, каким образом термин *xenophobia* ассоциируется с Брекситом и какие родственные слова образуют его семантическое поле.

Определяющей линией, связывающей Брексит с ксенофобией, становится следующая фраза, зафиксированная в Brexit Corpus как описание ксенофобии: “Brexit is *xenophobia*” («Брексит – это ксенофобия»). То, что Брексит воплощает ксенофобию, подтверждается многочисленными высказываниями в меди-пространстве. Прекрасным примером может послужить статья З. Бошампа, размещённая на новостном аналитическом сайте Vox.com, “Brexit was fueled by irrational *xenophobia*, not real economic

grievances”¹. Желание Великобритании выйти из Евросоюза объясняется именно ксенофобскими настроениями – страхом перед иммигрантами и ненавистью к ним (“What Britain was suffering from too much of, however, was *xenophobia* – fear and hatred of immigrants”). В статье постоянно используются такие слова, как *fear* («страх»), *hatred* («ненависть»), *bigotry* («нетерпимость / ненавистничество»), которые в контексте выступают синонимами понятия *xenophobia*.

Что касается семантического поля *xenophobia*, сформированного в Brexit Corpus из 10 родственных существительных, по частотности употребления ближе всего к его центру находятся существительные *racism* («расизм»), *hate* («ненависть»), *lie* («ложь»). На периферии и приблизительно с одинаковой частотностью употребления расположены слова *fear* («страх»), *nationalism* («национализм»), *hysteria* («истерия»), *bigotry* («нетерпимость / ненавистничество»), *intolerance* («нетерпимость»), *jingoisism* («джингоизм»). Приведём ещё несколько примеров из Brexit Corpus, демонстрирующих семантическое сходство между всеми этими понятиями:

Are we prepared to *tell lies*, to *spread hate and xenophobia* just to win this campaign? (The Telegraph);

Baroness Sayeeda Warsi, a member of the House of Lords who was a former British foreign minister and chair of the ruling Conservative Party, announced Monday she was ending her support for the “Leave” campaign, accusing it of *peddling “lies, xenophobia and the politics of hate”* (CNN.com);

I feel like Brexit will mean we’re alone, on a small island with some horrible selfish bullies in charge. It’ll be like... Sick of Brexit “we want our country back” rhetoric. At the heart is a *creeping ugly nationalism laced with xenophobia and jingoism* (Twitter.com).

¹ См.: Brexit was fueled by irrational *xenophobia*, not real economic grievances // Vox : [сайт]. URL: <https://www.vox.com/2016/6/25/12029786/brexit-uk-eu-immigration-xenophobia> (дата обращения: 20.02.2022).

Термин *jingoism*, который трактуется как «шовинистический национализм», заслуживает отдельного комментария, поскольку, будучи связанным с «иррациональной ксенофобией» в период Брексита, уходит корнями в историю Великобритании. Он появился в английском языке в конце XIX в. (приблизительно одновременно с существительным *xenophobia*) как описание агрессивной внешней политики британского правительства во время русско-турецкой войны 1878–1878 гг. При этом отмечается, что лексема *jingo* вместе с её производными служила «негативным маркером», поскольку придавала «отрицательную окраску любой сообщавшейся информации в отношении отдельного персонажа или общественного явления» [3, с. 226]. В описании Брексита *jingoism* продолжает выполнять функции негативного маркера. Неудивительно поэтому, что затянувшиеся безрезультатные переговоры между Великобританией и Евросоюзом получили название *Brexit jingoism*¹.

Одно из явных проявлений ксенофобии во время Брексита – страх к иммигрантам, породивший в стране целый ряд преступлений на почве ненависти (*hate crime*). Согласно Dictionary.com, интерес пользователей к понятию *hate crime* резко вырос в июле 2016 г., когда газеты освещали рост преступлений в Великобритании после референдума. В итоге коллокация *hate crime* также стала ассоциироваться со словом *xenophobia* на фоне увеличения числа расистских выступлений, спровоцированных Брекситом в последующие годы (“Brexit ‘major influence’ in racism and hate crime rise”)².

Подытоживая связь Брексита с ксенофобией, важно подчеркнуть, что в данном случае речь идёт о любом проявлении нетерпимости к «другим» (*others*). На первый план здесь выходит понятие *otherness* («непохожесть / чужеродность»). В словаре Dictionary.com даётся следующее определение существительного *otherness*, которое по смыслу схоже с *xenophobia*: “the quality or state of being perceived or treated as different, foreign, strange, etc.”³ («качество или состояние, когда человек воспринимается или рассматривается как другой, чужой, странный и т. д.»). Само понятие *otherness* существует в английском языке с начала XVI в., гораздо раньше, чем появилось слово *xenophobia*, и к XIX в. начало регулярно употребляться в своём современном значении культурной чуждости. Ксенофобия и непохожесть часто обсуждаются в контексте друг друга, но они различаются как по своему происхождению, так и по своему историческому использованию. В то время как этимология ксенофобии явно связывает её с психологической реакцией страха, непохожесть можно рассматривать с точки зрения социологической идентичности. Последняя как раз затрагивается в посвящённом Брекситу медиадискурсе, где речь идёт о так называемой «социологии непохожести» (*the sociology of otherness*) внутри британского общества, которая пробудила «чувство непохожести» (*a sense of otherness*) в людях и в результате которой «другими» или «чужими» оказываются те, кто ранее таковыми себя не считали (“... the earliest ‘experience’ of ‘Brexit’ was of a public discourse which reinforced a sense of otherness in people who may not have thought of themselves as ‘Others’ before ...”)⁴.

¹ См.: The Guardian view on Brexit jingoism: crudely ineffective // The Guardian: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/dec/14/the-guardian-view-on-brexit-jingoism-crudely-ineffective> (дата обращения: 20.02.2022).

² См.: Brexit ‘major influence’ in racism and hate crime rise // BBC News: [сайт]. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/uk-wales-48692863.amp> (дата обращения: 20.02.2022).

³ См.: Xenophobia Definition & Meaning // Dictionary.com: [сайт]. URL: <https://www.dictionary.com/browse/xenophobia#:~:text=A%20related%20term%20that%20often,spiritual%20transcendence%20beyond%20the%20human> (дата обращения: 20.02.2022).

⁴ См.: Moreh C. The Ongoing Legacies of Brexit // The Sociological Review: [сайт]. URL: <https://theso->

Таким образом, Брексит – нечто большее, чем просто ксенофобия. В некотором смысле это основанная на лжи политика ненависти, построенная на джингоизме и разжигании национальной ненависти против «других», что на лексико-семантическом уровне вновь проявляется в «языке вражды», который стал доминирующим в медиадискурсе всего периода выхода Великобритании из Евросоюза.

Семантическое поле *xenophobia* и пандемия коронавируса

Слово *xenophobia* не теряет популярности в англоязычном медиадискурсе и в последние два года на фоне пандемии коронавируса. По данным постоянно расширяющегося корпуса Coronavirus Corpus, наибольшая частотность употребления *xenophobia* была зафиксирована в феврале 2020 г., когда Китай официально признал коронавирус, а лица, преимущественно азиатского происхождения, главным образом мигранты и беженцы, якобы распространяющие вирус, оказались объектом ксенофобских нападок. Так, в мае 2020 г. генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш сделал заявление, что пандемия коронавируса сопровождается шквалом ненависти и ксенофобии, поиском «крайних» и нагнетанием страхов (“a tsunami of hate and xenophobia, scapegoating and scaremongering”). В связи с этим генсек ООН призвал выработать коллективный иммунитет против «вируса ненависти» (“We must act now to strengthen the immunity of our societies against the virus of hate”)¹.

biologicalreview.org/collections/sociology-of-brexite/ongoing-legacies-of-brexite-uncertainty-otherness-and-belonging (дата обращения: 20.02.2022).

¹ См.: Gutteres A. We must act now to strengthen the immunity of our societies against the virus of hate // United Nations : [сайт]. URL: <https://www.un.org/en/coronavirus/we-must-act-now-strengthen-immunity-our-societies-against-virus-hate> (дата обращения: 20.02.2022).

Метафора *virus of hate*, показывающая, что ксенофобские настроения распространяются так же стремительно, как и коронавирус, оказывается схожей по значению понятиям *xenophobia* и *racism*, что подтверждается корпусными данными. Рассматривая наиболее частотные слова, которые используются вместе с существительным *xenophobia* в Coronavirus Corpus, *virus* входит в десятку родственных *xenophobia* слов, образуя с ними следующие распространившиеся в медиадискурсе коллокации: *a virus of fear / racism / intolerance / xenophobia*.

«Вирус ненависти» как проявление ксенофобии в медиадискурсе преимущественно направлен против выходцев из Китая. На сайте Eater.com в статье “Pinning Coronavirus on How Chinese People Eat Plays Into Racist Assumptions” китайцы сравниваются с далёкими от цивилизации варварами, которые поглощают мясо кошек, собак и других животных, продающееся на специализированных рынках, подобных рынку в Ухане (Wuhan wet market), где с большой долей вероятности возник коронавирус. При этом в лингвистическом плане заслуживает внимания следующее предложение: “The outbreak has had a decidedly dehumanizing effect, reigniting old strains of racism and xenophobia that frame Chinese people as uncivilized, barbaric “others””. Во-первых, здесь наблюдается игра слов в метафоре *strains of racism and xenophobia*, что буквально переводится, как «штаммы расизма и ксенофобии». Эта метафора синонимична вышеупомянутой коллокации *virus of hate*. В обоих случаях такие биологические понятия, как вирус и штамм, используются в переносном смысле. Во-вторых, возникает образ «других» (others) и вместе с ним концепт непохожести (otherness),

² См.: Zhang J. G. Pinning Coronavirus on How Chinese People Eat Plays Into Racist Assumptions // Eater : [сайт]. URL: <https://www.eater.com/2020/1/31/21117076/coronavirus-incites-racism-against-chinese-people-and-their-diets-wuhan-market> (дата обращения: 20.02.2022).

что вновь позволяет говорить о семантическом сходстве между *xenophobia* и *otherness*.

В статье “There is another viral pandemic spreading across America. It’s called hatred” снова обыгрывается слово *virus*: “There should be no question that a virus is alive and well in the soul of America. The sores and blemishes of white nationalism, xenophobia, white supremacy and hatred for “the other” are exposed for all to see”¹. Речь идёт о вирусе в душе Америки (а *virus in the soul of America*). Кроме того, отмечается уже известная в контексте ксенофобии ненависть к «другим» (*hatred for “the other”*) вместе с такими концептами, как белый национализм (*white nationalism*) и превосходство белой расы (*white supremacy*). В свете вышесказанного можно заключить, что ксенофобия как одно из ключевых понятий во время пандемии коронавируса тесно связана с националистическими настроениями против «других», одним из наиболее ярких проявлений которых в языке СМИ оказывается метафора *virus of hate*.

¹ См.: There is another viral pandemic spreading across America. It’s called hatred // PA Media: [сайт]. URL: <https://www.media.pa.gov/pages/PA-Human-Relations-Commission-details.aspx?newsid=87> (дата обращения: 20.02.2022).

Заключение

Таким образом, слово *xenophobia* занимает центральное место в англоязычном медиадискурсе последних лет. Оно действительно обладает статусом не только одного из ключевых слов, но и «словом года», отражающим исторически значимые события, а именно всплеск ксенофобии в Южной Африке, выход Великобритании из Евросоюза, а также пандемию коронавируса. Использование *xenophobia* в языке СМИ родственно понятию *otherness* в качестве отрицательного маркера непохожести и чужеродности отдельно взятых социальных, политических, культурных или национальных групп. Согласно корпусным данным, слово *xenophobia* характеризуется высокой частотностью употребления, а в его семантическое поле входят такие относящиеся к «языку вражды» понятия, как *racism*, *hate*, *intolerance*, *bigotry*, *fear*, *Afrophobia*, *jingoism*, *nationalism*, *virus of hate*. Как следствие, все они, наряду с центральным словом *xenophobia*, становятся ключевыми в описании проблемы неприятия «других», которая не теряет актуальности и по сей день для создания концептуальной картины современного англоязычного медиадискурса в условиях информационной войны.

Дата поступления в редакцию 09.03.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранцева О. А., Снигирева И. В. Слова года как источник социокультурной информации // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2020. № 16. С. 12–18.
2. Горина О. Г. Применение методов корпусной лингвистики для определения контекстноспецифических слов и коллокаций // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 7. № 3. С. 27–36.
3. Дронова Н. В. К вопросу о политических технологиях викторианской Англии: концепт «джинго» в издательской практике журнала “Punch” (1878–1879) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 26. № 190. С. 223–234. DOI: 10.20310/1810-0201-2021-26-190-223-234.
4. Зуева В. В., Колоскова О. А. Языковая картина мира сквозь призму слов-символов 2020 года (на материале английского и русского языков) // Российский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 6. С. 414–423. DOI: 10.15643/libartrus-2021.6.4.
5. Иргизова К. В. Корпусная лингвистика в отечественном и зарубежном языкознании на современном этапе // Огарёв-Online. 2019. № 6 (127). URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/korpusnaya>

lingvistika-v-otechestvennom-i-zarubezhnom-yazykoznanii-na-sovremennom-etape (дата обращения: 20.02.2022).

6. Иссерс О. С. В поисках общего словаря: дискурсивные практики новейшего времени через призму проектов «Слово года» // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 48–53.
7. Иссерс О. С., Рахимбергенова М. Х. Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы) // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 90–96.
8. Кубрякова Е. С., Цурикова Л. В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. М.: Академический проект: Альма Матер, 2008. С. 183–210.
9. Моисеева И. Ю., Ноздрина Т. Г. Ключевые слова в зарубежной лингвистике: становление понятия и практика применения // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 4-2 (23). С. 107–108.
10. Николаева Е. В. «Слова года» как лингвокультурные концепты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10-1 (76). С. 154–157.
11. Scott M., Tribble C. Textual Patterns: Keyword and Corpus analysis in Language Education (Studies in Corpus Linguistics). Philadelphia: John Benjamins, 2006. 203 p.

REFERENCES

1. Barantseva O. A., Snigireva I. V. [Words of the year as source of socio-cultural information]. In: *Problemy romano-germanskoj filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Problems of Romano-Germanic philology, pedagogy and methods of teaching foreign languages], 2020, no. 16, pp. 12–18.
2. Gorina O. G. [Implementation of corpus linguistic techniques to identify a text or genre-specific key words and collocations]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal], 2011, vol. 7, no. 3, pp. 27–36.
3. Dronova N. V. [On the political technology of Victorian England: the concept of “jingo” in the publishing practice of “Punch” magazine (1878–1879)]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2021, vol. 26, no. 190, pp. 223–234. DOI: 10.20310/1810-0201-2021-26-190-223-234.
4. Zuyeva V. V., Koloskova O. A. [The linguistic picture of the world through the prism of the words-symbols of 2020 (based on the material of the English and Russian languages)]. In: *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Liberal Arts in Russia], 2021, vol. 10, no. 6, pp. 414–423. DOI: 10.15643/libartrus-2021.6.4.
5. Irgizova K. V. [Current state of Russian and international corpus linguistics]. In: *Ogaryov-Online* [Ogaryov-Online], 2019, no. 6 (127). Available at: <http://journal.mrsu.ru/arts/korpusnaya-lingvistika-v-otechestvennom-i-zarubezhnom-yazykoznanii-na-sovremennom-etape> (accessed: 20.02.2022).
6. Issers O. S. [In search of common vocabulary: contemporary discursive practices through the prism of projects “Word of the year”]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2014, no. 4 (50), pp. 48–53.
7. Issers O. S., Rakhimbergenova M. Kh. [Image of ethnic “alien” in modern Russian press]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2007, no. 3 (23), pp. 90–96.
8. Kubryakova Ye. S., Tsurikova L. V. [Verbal activity of the media as a special type of discursive activity]. In: Volodina M. N., ed. *Yazyk sredstv massovoy informatsii* [Language of mass media]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ.; Al'ma Mater Publ., 2008, pp. 183–210.
9. Moiseyeva I. Yu., Nozdrina T. G. [Key words in foreign linguistics: formation of the notion and practice]. In: *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], 2014, no. 4-2 (23), pp. 107–108.
10. Nikolayeva Ye. V. [“Words of the year” as linguocultural concepts]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2017, no. 10-1 (76), pp. 154–157.
11. Scott M., Tribble C. Textual Patterns: Keyword and Corpus analysis in Language Education (Studies in Corpus Linguistics). Philadelphia, John Benjamins, 2006. 203 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Корецкая Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка механико-математического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: ok0807@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Koretskaya – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of the English Language, Faculty of Mechanics and Mathematics, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: ok0807@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Корецкая О. В. Ксенофобия как «слово года» в англоязычном медиадискурсе XXI века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 4. С. 51–60. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-51-60

FOR CITATION

Koretskaya O. V. Xenophobia as the word of the year in English media discourse of the 21st century. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 4, pp. 51–60. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-4-51-60